

смерть поэта

вот сбегают к бухте горы
зависают над водой
там стоит считая годы
драматург немолодой

над юдолью слез и праха
размахнул орел крыло
обмирает черепаха
в мощных лапах у него

в перьях бешеная сила
словно молния в грозу
быстро лысину эсхила
хищник высмотрел внизу

видит будто бы комета
в золотом сиянье вся
вмиг роняет на поэта
пресмыкающееся

череп кровью намокает
от беды в глазах серо
и навеки умолкает
в мире вещее перо

век проходит лавр увянет
пень разносит от колец
так и нам с тобой настанет
неожиданный конец

только б светлая эллада
в памяти не умерла
только вверх смотреть не надо
на финального орла

прямой репортаж

с чем сравнить не имея не мыслил в детстве я
что попал в эпицентр стихийного бедствия
до зубов термоядерные громилы
в классе с двойками в дневниках друзья
закрома отрубей чтобы крыс кормили
это жизнь на земле а другой нельзя

для того субстанция в головах туга
приоткрыл за портвейном учитель ахтунга
чтобы нужное дело снаружи крепло
все остатки сил на подъем села
где норушка на завтрак на ужин репка
милицейский свисток и вся ночь светла

я зачем вам старался по чистописанию
ночевал в участке с покойным санею
с мирозданием бесполезна ссора
отразить бы в хайку что твой базе
но в пустую струна оборвется скоро
неужели затем чтобы это все

не спасет вино не помогут медики
всюду солнечные зайчики и медведики
голова безуспешно торчит на торсе
но в пустом стакане благая весть
может бедствия нет никакого вовсе
может просто я эпицентр и есть

свищом заря в стекле воспалена
вся туча в колокольнях чистый китеж
и человек в периметре окна
с той стороны но сквозь зарю не видишь

я понимаю кто там и когда
в былые дни читал тебя как книгу
но пролегла багровая гряда
швы разошлись по временному сдвигу

в той памяти где истекает свет
в котором ты в стекло струишься тенью
живьем наружу отраженья нет
там плен животному или растению

нам не сойтись растерянно снуя
с изнанки сна откуда звезды виснут
на стебельках но всякому своя
история кто в свой периметр втиснут

вмурованные в чернозем кроты
чужие лазы огибают как-то
а с тем кто человеком был как ты
нет у живых возможности контакта

и если все простила то закрой
неузнанные в пламени и дыме
зеницы опаленные зарей
совсем раз ничего не видно ими

последняя смена

голосил что поздно и мол не его вина
что настали дескать последние времена
обуздали в сбрую впрыснули седатива
все же цапнул за локоть изноровясь дугой
под горячую руку выписал раз-другой
перорально ему на момент приумолк скотина

краснота у век потливость под сорок ртуть
мы таких регулярно возим я помню путь
ну помяли чуток так ведь не к алтарю невеста
только в этих пробках риск потерять мальчика
доктор тычет влево мол ходу давай с кольца
но ни с места москва ну и мы вместе с ней ни с места

еле сполз к савеловской груз наш и вовсе плох
на последнем чейн-стоксе и больше не ловит блох
не по-русски лопочет таджик оказался что ли
типа лама блин сабахтани и хрен поймешь
вижу доктор в салоне сигналит баста хорош
сделал руки крестом и задвинул шторы

у савеловской глядь где прежний шумел вокзал
и кавказский гость шампур в шаурму вонзал
над равниной гора и скелеты снуют оравой
акробат наверху мертвяки как в кино из рва
а на левой моей где больной укусил сперва
от рентгена косточки прописью
и на правой

конец савельева

савельев был начальник маяка
по винтовой уже с изрядным пузом
из птичьего парного молока
бил масло и сбывал его медузам

ему небес не застила листва
чай не зоолог лебедь или лев там
менял себе местами вещества
на фосфор фтор и жил своим гешефтом

он там привык гнездиться над водой
имел ушат для плотских нужд и душа
на суше был однажды молодой
узнав от рыб что существует суша

но там ему не выпал интерес
набор камней в пространстве просто остров
зачем земля зрителю небес
и пастырю зодиакальных монстров

полез однажды развести огонь
закат по бортовому ровно в девять
и вдруг увидел звезды сквозь ладонь
хоть и не понял лев там или лебедь

он телом стал среди небесных тел
в прошитой искрами кромешной жиже
взглянул из фонаря и обалдел
все выше небо а вода все ниже

в проломе звезд как бы стеклянный дед
насквозь рентгеновский из тонких перьев
сказал ему что завтра смены нет
ступай ложись кранты тебе савельев

и ясно что не нужно больше лезть
по жухлым доскам в сердце фейерверка
дед объяснил вот это смерть и есть
раз больше низ не отличить от верха

кто там в голубоглазой вышине
уже в разводах кровеносной сетки
в ночную смену вспомнит обо мне
все выдумка спокойной ночи детки

я был всевозможный писатель
рифмованных строф и эссе
читательских душ воспитатель
чтоб льнули к прекрасному все

для вас непростые потомки
ростки из бесформенных груд
бросал семена из котомки
на ваш невозделанный грунт

вся в ссадинах шкура за годы
от мысленных пней и коряг
мне груз непосильной заботы
всю голову перенапряг

все путаней сверстников свора
в ней проблески смысла редки
нутром постигаю что скоро
подамся и сам в дураки

уйду я наверное к этим
к медведкам к неясностям к детям
негодным к борьбе и труду
вот вещи сложу и уйду

присяду в носу ковыряя
на склон где пустая вода
беглянка сгоревшего края
стекает как мы в никуда